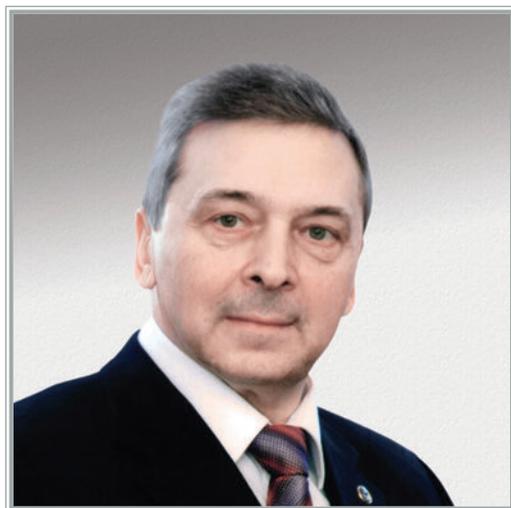

ПЕРСОНАЛИЗИРОВАННАЯ МЕДИЦИНА: НА ПОРОГЕ НОВОЙ ЭПОХИ

ДИРЕКТОР ФГБУ «НМИЦ ЭНДОКРИНОЛОГИИ» МИНЗДРАВА РОССИИ
АКАДЕМИК РАН
Иван Иванович Дедов

В XXI веке медицину ждет естественное и необходимое преобразование. Каждый пациент страдает и здоровствует по-своему, и эта уникальность раскроется перед врачом на языке геномных и постгеномных технологий.

Персонализированная медицина – дитя множества естественных, точных и общественных наук, и о ее будущем облике всё еще ведутся жаркие дискуссии. В академических кругах и среди практикующих врачей зреют идеи близкого будущего: «медицины персонализированной» (исцелять человека, а не болезнь), «медицины трансляционной» (внедрять достижения прочих наук) и «медицины высокоточной» (лечить с опорой на геномно-постгеномные обоснования). В ближайшие десятилетия в этих пересекающихся плоскостях родится новая медицина, основанная на персональной профилактике, предсказании рисков и прицельной терапии.

В данной статье мы рассматриваем научные предпосылки, а также некоторые клинические, экономические и методические аспекты, сопутствующие эпохе персонализированного врачевания.

Учение об индивидуальном подходе к каждому пациенту существовало уже на заре врачебного искусства. «Гораздо важнее знать то, каков пациент, нежели какова болезнь», – отмечал Гиппократ. Корифей русской терапевтической школы М.Я. Мудров говорил: «Каждый больной, по различию сложения своего, требует особого лечения, хотя болезнь одна и та же».

Сегодня библиографический индекс PubMed Central предоставляет более 150 тыс. публикаций по запросу «персонализированная медицина». Этот растущий массив знаний сегодня ориентирован на молекулярные технологии, которые открывают перед клиницистом биомаркеры и предикторы на уровне сигнальных путей, геномных, протеомных и метаболомных процессов. Прорывом в этой области стала реализация в 2003 году международного проекта «Геном человека» (The Human Genome Project). Благодаря картированию всех генов и их регуляторных участков возникла фармакогеномика,

позволяющая применять лекарственные средства с учетом генетической уникальности пациента, ограничивая побочные эффекты и снижая стоимость клинических испытаний.

Обобщая опыт, накопленный лабораториями ФГБУ «НМИЦ эндокринологии» за минувшие 15 лет, мы можем с уверенностью утверждать: ДНК-анализ является зачастую единственно эффективным методом диагностики моногенных заболеваний. Генетическое обследование родственников пациента позволяет поставить диагноз на доклинической стадии и начать терапию с наилучшими шансами на успех, а иногда и предотвратить болезнь (например, с помощью превентивного хирургического лечения)¹.

В нашей практике молекулярная генетика используется и с прогностическими целями, в частности у новорожденных с дефицитом фермента 21-гидроксилазы, где по генетическому дефекту можно предсказать тяжесть сольтеряющего синдрома.

Молекулярный диагноз влияет и на тактику лечения. Например, при мутации гена *PROPI* у пациента с гипопитуитаризмом и образованием турецкого седла нейрохирургическое лечение обычно не показано, что позволяет ограничиться заместительной гормональной терапией. А у пациентов, чей сахарный диабет вызван дефектом АТФ-зависимых калиевых каналов, анализ генов *KCNJ11* или *ABCC8* определяет возможность отменить инсулинотерапию и перевести пациента на таблетированные сахароснижающие препараты². Это лишь несколько примеров, где молекулярные методы качественно улучшили исход лечения в нашей практике. На сегодняшний день Институт персонализированной медицины на базе ФГБУ «НМИЦ эндокринологии» активно разрабатывает панели для прицельного секвенирования генов, ориентируясь на принципы высокоточной и персонализированной медицины (ранняя диагностика и дифференцированная тактика). Некоторые из этих панелей представлены в таблице 1.

Геномные технологии сегодня

За последние 10 лет множество открытий обязано своим происхождением технологиям экзомного секвенирования генома, способным прочесть всю совокупность ДНК, кодирующую белки. Показательно, что наибольшего прогресса удалось достичь в изучении патологий, обусловленных повреждением одного гена.

Среди несомненных успехов:

- выявлены новые подтипы сахарного диабета;
- открыты генетические основы первичной недостаточности яичников, врожденной недостаточности щитовидной железы и дилатационной кардиомиопатии;
- получено множество ценных сведений о других, более редких или орфанных заболеваниях.

Однако экзомное секвенирование представляет большой интерес и в изучении распространенных хронических патологий. С помощью этого метода удалось обнаружить ранее неизвестную роль генетических вариантов в нарушении обмена холестерина, при остеопорозе, сахарном диабете 2-го типа.

Подобные работы определяют новые фармакогенетические цели, открывая дорогу персонализированной терапии социально значимых хронических заболеваний. Так, с помощью экзомного секвенирования были обнаружены варианты гена *PCSK9*, при которых уменьшается риск ишемической болезни сердца за счет снижения в крови уровня липопротеидов низкой плотности. Это открытие позволило создать новый класс препаратов, которые уже получили регистрацию американского надзорного органа FDA.

Следующий шаг – полногеномное секвенирование

К сожалению, секвенирование экзома не лишено ограничений: прочтению поддается в среднем лишь 85–95% всего объема экзомной информации и почти полностью игнорируются регуляторные области ДНК. Кроме того, предрасположенность к наиболее социально значимым

¹ Тюльпаков А. Роль молекулярной генетики в диагностике и лечении эндокринных заболеваний.

Краткая характеристика моногенных форм наследственных эндокринопатий, диагностированных

в ФГУ ЭНЦ за 15-летний период (1996–2010) // Проблемы эндокринологии. 2011. Т. 57, №1. С. 32.

² Там же.

Таблица 1

ПАНЕЛИ ДЛЯ ПРИЦЕЛЬНОГО СЕКВЕНИРОВАНИЯ ГЕНОВ

Название панели	Гены, n
СД и гиперинсулинизм	30
Врожденный гипотиреоз	23
Рахит	22
Гипопитуитаризм	24
Гипогонадотропный гипогонадизм	30
Наследственные липодистрофии	17
Аденомы гипофиза	15
Гипокортицизм-электролитные нарушения	38
Нарушения формирования пола	38
Первичный гиперпаратиреоз	11
Примордиальный нанизм	11
Несовершенный остеогенез	13

хроническим заболеваниям (например, сахарный диабет и ожирение, сердечно-сосудистые заболевания, новообразования) определяется сочетанием множества генетических вариантов. К сожалению, значительная доля подобных мутаций обнаруживается именно во внеэкзонных областях и, следовательно, требует полного прочтения генома.

Национальные и международные проекты полногеномных исследований развиваются по всему миру. Так, проект «1000 геномов» создает референсную библиотеку вариантов человеческого генома. Проект ENCODE («Энциклопедия ДНК-элементов») изучает функции некодирующей (вне-экзонной) области генома. Институтом Сэнгера запущен проект раковых геномов, нацеленный на поиск генетических основ развития онкологических болезней.

Хорошо известно, что результативность геномных исследований пропорциональна числу участвующих пациентов и полноте знаний об этногеографических популяциях. В 2015 году стартовал проект «Российские геномы»³, миссия которого включает создание открытой компьютерной базы данных, содержащей анонимную информацию о полногеномных последовательностях по меньшей мере от 3 тыс. мужчин и женщин из разных регионов России, а также описание вариаций в геноме у этих групп, определение особенностей, влияющих на распространение заболеваний⁴.

За порогом генома: протеомика

Говоря образно, расшифровка генома обнажила исходный код человеческого организма, однако воплощение этого кода в конкретные биологические функции и признаки оставалось загадочным. В 2010 году стартовал проект «Протеом человека» (The Human Proteome Project, HPP)

³ Oleksyk T.K., Brukhin V. & O'Brien S.J. The Genome Russia Project: Closing the Largest Remaining Omission on the World Genome. Map // GigaScience. 2015. V. 4, №1. P. 53.

официальном интернет-портале <http://genomerussia.spbu.ru>.

⁴ Подробную информацию о проекте можно получить на

с целью выяснить локализацию, функцию и взаимодействие всех белков человеческого организма, открывая дорогу к персонализированной протеомике. Эта задача еще амбициознее, чем расшифровка генома, так как на основе 20 тыс. выявленных генов у человека синтезируется около 1 млн разновидностей белка. Такое исключительное разнообразие вызвано сложнейшими процессами рекомбинации ДНК, альтернативного сплайсинга и посттрансляционных модификаций. Данные проекта ложатся в основу так называемой протеомной карты, в пространстве которой идет поиск ассоциаций с заболеваниями для создания новых диагностических и лечебных маркеров.

Россия является участницей проекта HPP наряду с другими странами (США, Франция, Швеция и т.д.). Группы ученых из каждого государства изучают белки, кодируемые генами той или иной хромосомы. Группа российских ученых под руководством академика А.И. Арчакова составляет протеомную карту 18-й хромосомы (285 генов этой группы кодируют около 30 тыс. белков, связанных с развитием более 350 заболеваний, в том числе сахарного диабета, колоректального рака, ревматоидного артрита, шизофрении и многих других)⁵.

Доказательная медицина и персонализированные методы: как разрешить противоречие?

Главным достижением здравоохранения к концу XX века стала концепция доказательности: любое вмешательство – от постели больного до организации здравоохранения – призвано опираться на скрупулезно обработанные статистические данные. Внедрение доказательной медицины с начала 1990-х годов дало врачам стандарты лечения, основанные на масштабных клинических исследованиях. К сожалению, такой подход при всех его завоеваниях для общественного здоровья не позволяет учитывать индивидуальные характеристики пациента, особенно на генетическом и эпигенетическом уровнях. Цитируя FDA, до 43% больных сахарным диабетом 2-го типа и до 75% онкологических пациентов (среди прочих патологий) не отвечают на медикаментозное лечение. У многих развиваются побочные эффекты (до 2,2 млн человек в год в США), в том числе с летальным исходом (более 100 тыс. смертей в год в США)⁶. Таким образом, концепция «усредненные результаты принять за универсальные» сегодня уже неприемлема. Действительно, каждый пациент хотя бы по некоторым параметрам является редким случаем, и поэтому стандарт, основанный на средних значениях, рано или поздно окажется к нему неприменим. Высокоточная, персонализированная медицина предлагает ровно обратное: набор глубоких массивов данных о каждом индивидууме без статистической мощи многотысячных когорт при этом. Противоречие несомненно, но у него есть решение: геномно-постгеномные исследования должны стать массовыми.

Инфраструктурные основы персонализации

В 2016 году США развернули амбициозный проект All of Us («Все мы») по созданию беспрецедентной коллекции геномных и постгеномных данных (в сочетании с биотелеметрией от носимой электроники) с числом участников не менее 1 млн и стартовым бюджетом в 215 млн долларов⁷. К январю 2018 года пилотная стадия проекта уже собрала 10 тыс. участников.

Инфраструктура американского проекта сосредоточена вокруг Координационного центра на базе национальных институтов здравоохранения США (National Institutes of Health, NIH) с централизованным биобанком и облачной вычислительной системой. В то же время набор

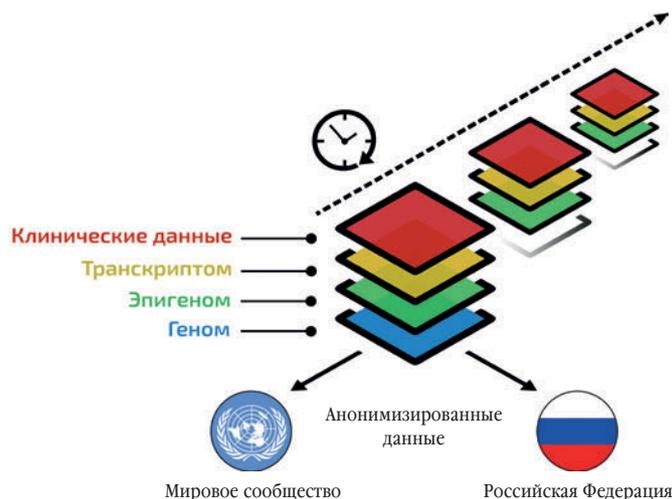
⁵ Archakov A. Gene-Centric View on the Human Proteome Project: The Example of the Russian Roadmap for Chromosome 18 // Proteomics. 2011. V. 11. P. 1853–1856.

⁶ По материалам отчета за 2013 год Управления по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов США (US FDA). URL: <https://www.fda.gov/oc/2013/08/2013-08-28-13-Personalized-Medicine.pdf>. С. 12.

⁷ По данным информационной сводки администрации президента США за 2015 год. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2015/01/30/fact-sheet-president-obama-s-precision-medicine-initiative>.

1

БУДУЩЕЕ ПЕРСОНАЛИЗИРОВАННОЙ МЕДИЦИНЫ – ОБЪЕДИНЕНИЕ ГЕНОМНЫХ И ПОСТГЕНОМНЫХ ДАННЫХ В ПРОСПЕКТИВНЫЕ МУЛЬТИОМНЫЕ БИБЛИОТЕКИ

пациентов и профильная обработка данных ложатся на партнерские структуры – преимущественно крупные университеты и клинические центры.

8 февраля 2018 года В.В. Путин, выступая на Совете при Президенте Российской Федерации по науке и образованию, поручил разработать национальную программу геномных исследований. Несомненно, наибольший практический интерес для этой инициативы составят социально значимые полигенные заболевания (сердечно-сосудистая патология, сахарный диабет и ожирение, злокачественные новообразования). Персонализированная система здравоохранения в близком будущем будет опираться на достижения именно в этой области.

Запросу на соответствующую инфраструктуру органично отвечает вновь созданная система национальных медицинских исследовательских центров (НМИЦ). Этим учреждениям поручено совершенствовать систему здравоохранения в пределах своих профильных направлений: с правом научного целеполагания, разработки образовательных программ, создания региональных клинических центров, а также выполнения элементов надзорных функций.

Инфраструктура и ресурсы НМИЦ позволяют:

- эффективно и безопасно собирать и хранить биоматериал, репрезентативный для народов России;
- извлекать информацию по стандартизированной методике;
- вести проспективное наблюдение за профильными когортами, отслеживая динамику заболевания на постгеномном уровне;
- хранить и публиковать в открытом доступе полученные данные, гарантируя их строжайшую анонимность.

Наконец, объединение цифровых хранилищ НМИЦ в единую телекоммуникационную сеть сочетает лучшее в доказательной медицине (статистическая сила) и в персонализации (индивидуальная тактика лечения). Подчеркнем, что ввиду необычайного объема и сложности мультиомных данных необходима государственная программа по стандартизации форматов хранения и протоколов обмена.

Сегодня на базе Института персонализированной медицины ФГБУ «НМИЦ эндокринологии» развивается целый комплекс служб, ориентированных на персонализированную терапию: лаборатории геномных и метаболомных исследований, клеточных технологий, клинической иммунологии и иммуногенетики, отделы фармакогенетики и биоинформатики, вычислительный комплекс, биобанк.

Эта структура отвечает нашему долгосрочному видению персонализации как объединения геномных и постгеномных данных в проспективные мультиомные библиотеки: многослойные цифровые системы, интегрирующие геном, эпигеном, транскриптом и клинические данные в когортах социально значимых заболеваний (рис. 1).

Подготовка медицинских кадров в эпоху персонализации

По всему миру звучат призывы адаптировать медицинские образовательные программы к наступлению геномной эры как на студенческом, так и на постдипломном уровне. Создание системы НМИЦ в этом отношении как никогда своевременно.

Независимо от профиля национального центра переподготовка непременно должна включать основы геномики и введение в биоинформационный анализ. Это даст практикующим врачам главное – способность критически анализировать научную литературу и давать информированные советы пациентам в отношении генетических услуг (включая коммерческое секвенирование, что набирает популярность на потребительском рынке).

Связи с высшими учебными заведениями и собственные институты постдипломного образования позволят национальным центрам знакомить молодых врачей и ученых с методами биоинформационного анализа. Ключевым здесь является право НМИЦ разрабатывать интерактивные образовательные модули. Слушатели курсов смогут работать с реальными массивами геномных и постгеномных данных центра-организатора, в частности самостоятельно использовать программные инструменты для обработки и интерпретации этого уникального материала.

Персонализированная медицина, однако, потребует от врачей не только более глубоких фундаментальных знаний, но и новых коммуникативных и организационных компетенций, а также переосмысленного формата врачебного приема. В последние годы рыночные условия и повсеместное внедрение стандартизированной медицинской помощи поступательно сокращало время, отведенное на общение с пациентом. В условиях персонализированной практики, где от врача требуется не только перекрестный анализ клинических и генетических (а в будущем мультиомных) данных, но и разъяснение этого анализа пациенту, подобное положение дел неприемлемо. Кроме того, опора на цифровую инфраструктуру ставит вопросы о безопасности личных данных пациентов, а стремительное внедрение высоких технологий неизбежно увеличивает личные риски врача. Таким образом, персонализация медицины требует еще и законотворческих инноваций.

Референсным учреждениям, таким как национальные центры, предстоит готовить специалистов к работе в этих новых непростых условиях, а также тесно сотрудничать с государственными структурами для совершенствования нормативно-правовых основ врачебной практики.

Экономические аспекты персонализированной медицины: вызовы и перспективы

В начале 1990-х годов стоимость секвенирования одного генома составляла до 1 млрд, а еще в 2001 году – около 95 млн долларов. Однако с внедрением высокопроизводительного секвенирования стоимость полногеномного анализа начала стремительно падать, и в июле 2017 года составила всего 1121 доллар. Дальнейшая коммерциализация секвенирования очень скоро преодолет и этот порог. К сожалению, экономические преграды развитию высокоточной и персонализированной медицины не ограничиваются затратами на базовые технологии.

Уже сегодня стоимость лекарственных препаратов ложится тяжелым бременем на государственный и частный бюджет. Так, в США из 12 препаратов, одобренных для лечения онкологических заболеваний, 11 стоят более 100 тыс. долларов в год. Совершенно очевидно, что движение

персонализации с ее сосредоточенностью на узких группах пациентов (а в идеале – на индивидуумах) на начальных этапах может усложнить эту ситуацию.

Анализ, опубликованный в 2017 году в журнале *Science*, рекомендует обособленно рассматривать экономические эффекты каждой персонализированной инновации. Так, новый фармакогеномный маркер, сокращая неэффективные или небезопасные назначения, сужает рыночную нишу целевого препарата. В результате для остальных пациентов цена лечения растет. И, напротив, биомаркеры, дающие персональное предсказание побочных эффектов, снижают и риски и расходы⁸. Например, выбор дозы варфарина на основе генетического теста позволит предотвратить 17 тыс. случаев инсульта и 85 тыс. случаев опасных кровотечений ежегодно с экономией порядка 1,1 млрд долларов⁹. Согласно данным другого исследования, скрининг на полиморфизмы гена *KRAS* позволил бы сократить расходы на лечение больных метастатическим колоректальным раком на 600 млн долларов в год¹⁰.

В то же время при внедрении новых персонализированных препаратов рынок столкнется с первоначально низкой конкуренцией в каждой новообразованной нише, фактически с микромонополиями, которые будут стремиться повысить цену пропорционально эффективности этих средств. Наконец, многообещающие методы персональной клеточной и генной терапии требуют, в сущности, от лечебных учреждений развернуть в своих стенах маломасштабное производство биологических продуктов, а значит, требуют и вложений в сертифицированное оборудование и лицензии¹¹.

Чтобы стимулировать рынок персонализированной терапии, предложено перенять законодательный опыт в области орфанных заболеваний. Так, компании, разрабатывающие орфанные препараты, получают существенные налоговые послабления и продление патентных прав. В свою очередь, в интересах пациентов – потребителей персонализированных услуг изучаются новые финансовые инструменты, в частности аналогичные ипотечному кредитованию. Это позволило бы облегчить бремя единовременных выплат и смягчить реальную угрозу неравного доступа граждан к благам высокоточной медицины.

Обобщая, можно предсказать, что экономическая выгода будет проистекать из высокой эффективности первичной и вторичной персонализированной профилактики, что компенсирует частные и государственные расходы на терапию.

Сегодня трудно не согласиться со словами Р. Снайдермана, одного из основоположников современной концепции персонализированной медицины, который сказал, что здравоохранение достигло кризиса: оно поглощает огромные деньги, оно инерционно, неэффективно и подходит шаблонно даже к поздним стадиям болезни и что выход один – профилактическая, персонализированная, инклюзивная медицина.

Только совместные усилия врачебного и научного сообщества, промышленности, общества и всех ветвей власти сделают эту новую медицину реальностью.

Персонализация медицины – это одновременно область академического знания и процесс, в определенном смысле даже общественное движение. В ее компетенции – как внедрение конкретных технологий, так и вопросы стратегического уровня: реорганизация здравоохранения, экономические условия персонализации, медико-правовые аспекты. Мы убеждены, что все эти смежные вопросы необходимо обсуждать в едином поле, ибо только при участии медицинского сообщества можно гарантировать главное: скрупулезность персонализации как академического учения и гуманность на всех этапах ее воплощения.

⁸ Stern A.D., Alexander B.M. & Chandra A. How Economics Can Shape Precision Medicines // *Science*. 2017. V. 355, №6330. P. 1131–1133.

⁹ McWilliam A., Nardinelli C., Lutter R. Health Care Savings

from Personalizing Medicine Using Genetic Testing: The Case of Warfarin. 2006. AEI-Brookings GS Joint Center For Regulatory Studies.

¹⁰ Shankaran V. Материалы доклада на Симпозиуме по

гастроэнтерологическому раку (январь 2009). Обзор доступен по адресу: <https://www.medscape.com/viewarticle/586946>.

¹¹ Stern A.D., Alexander B.M. & Chandra A. How Economics

Can Shape Precision Medicines // *Science*. 2017. V. 355, №6330. P. 1131–1133.